

О принципах Вопрос XI*

Франциск из Меронна

[1] В-одиннадцатых, был задан вопрос о том, доказуем ли этот сложный принцип, о котором идет речь.

[2] И представляется, что да, ибо всякий атрибут через себя (*per se passio*) доказуем о своем субъекте, согласно первой книге «Второй аналитики»¹. А в этом принципе, как стало ясно, предидируется дизъюнктивный атрибут.

[3] Напротив, всякое доказанное заключение является последующим по отношению к предложениям, через которые оно доказывается и, таким образом, такое предложение не может быть первым принципом, поскольку оно имеет начало, так же как первая причина, которая причинена или перводвигатель, который движим.

[4] В отношении этого вопроса вводится четыре заключения, из которых первое гласит, что все известное через себя доказуемо, ибо то, что «Всякое целое больше своей части» всеми полагается известным через себя, и, однако, если целое определяется как «то, что содержит множество частей», оно больше любой из них. Но всякое целое больше своей части, следовательно, всякое целое больше любой своей части, и здесь мы имеем доказательство из причины (*propter quid*) и самое сильное, так как атрибут доказывается в отношении субъекта через определение.

[5] Далее, определяя часть как то, что вместе с другими частями входит в целое, можно через это опосредующее звено доказать, что часть есть меньше своего целого.

[6] Далее, поскольку в этике (*in moralibus*) известно через себя, что всякое благо надлежит искать ради него самого, можно построить следующее доказательство с помощью определения блага: «То, к чему все стремятся, должно быть тем, что ищут ради него самого. Благо есть то, что ищут ради него самого, следовательно, и т.д.»

[7] Далее, о зле, что его следует избегать, ибо зло есть то, что все [от себя] отодвигают.

[8] И все это подытоживается так: если бы сущее могло определяться через свое определение, то можно было бы доказать дизъюнктивный атрибут «О чем-либо утверждение либо отрицание».

[9] Но против этого заключения есть четыре возражения.

[10] Во-первых, всякое доказанное заключение получает достоверность из принципов, которые его доказывают, и таким образом оно известно не через себя, но через иное.

[11] Во-вторых, представляется, что ничто не известно лучше известного через себя, ибо оно есть таковое через сущность, каковое прочее — через причастность. Принципы же всегда известны лучше, чем заключения, и, таким образом, никакое заключение не является известным через себя.

[12] В-третьих, тогда одно и то же познавалось бы дважды, а именно через себя и через дедукцию.

[13] В-четвертых, тогда кто-нибудь мог бы научиться тому, что с достоверностью известно посредством доказательства.

[14] На первое следует сказать, что одно и то же может быть известно через себя и из другого знания на разных основаниях, из которых одно относится к габитусу интеллекта, а другое — к габитусу науки, подобно тому как чувству может быть известно то, что может быть доказано разумом.

[15] На второе следует сказать, что в известном через себя есть известное больше и меньше, подобно тому как принципы подчиняющей науки считаются известными лучше, чем принципы подчиненной науки.

* Перевод выполнен с транскрипции MSS Citta del Vaticano, BAV, Vaticani latini, 4385, fols. 74v–75v; BAV, Vaticani latini, 3052, fols. 19v–20v.

[16] На третье следует сказать, что это не невозможно для знания в разных отношениях, как полагает Августин в толковании на книгу «Бытия», говоря об утреннем и сумеречном знании².

[17] Но возникает затруднение: какое из таких знаний является первым по отношению к тому, что известно через себя?

[18] Ответ: то, которое относится к габитусу интеллекта, потому что известное через себя познается, когда познаны термины, а доказанное — только если уже познаны предложения, ибо знание терминов предшествует знанию предложений.

[19] Второе затруднение: почему «Все, содержащее множество частей, больше любой из них» известно через себя более, чем «Всякое целое больше своей части», которое доказывается в отношении первого?

[20] Ответ: посредством определения обретается более отчетливое понятие, чем то, которое мы получаем через определяемое, и потому атрибут известнее в отношении определения, ведь когда субъект познан лучше, его атрибут познается лучше.

[21] Второе заключение гласит, что известное через себя, о котором сейчас идет речь, не является доказуемым для нас, ибо поскольку оно есть, как выяснилось, первый принцип по отношению к нам, значит, в таком случае <т.е. если бы оно было доказуемо>, *то* было бы нам известнее, через что мы бы его доказывали.

[22] Далее, атрибут доказывается об адекватном ему субъекте только посредством доказательства, сущее же не имеет определения, посредством которого доказывался бы этот атрибут, который, как стало ясно, ему адекватен.

[23] Далее, он не может доказываться через что-либо вышестоящее, ибо, как стало ясно, он есть адекватный атрибут, а такой никогда не доказывается через вышестоящее о нижестоящем.

[24] Далее, он не может доказываться и через нижестоящее, ибо оно случается акцидентально.

[25] Но против этого заключения есть возражения: через смысл просто (*simpliciter*) совершенства как через консеквент некоторым образом умозаключается «О всяком сущем истинно утверждение либо отрицание»; то же самое умозаключается через смысл формальности; то же самое — через смысл трансцендентального; то же самое — из позиции.

[26] Ответ: меньшая посылка всегда будет ложной, когда говорят: «Всякое сущее есть совершенство в абсолютном смысле» или «формальность»³ или «трансцендентальное», хотя это не есть решение для четвертого возражения. Или можно ответить, что, несмотря на то, что силлогизмы истинны, однако не истинны доказательства, хотя бы доказательство и было необходимым, как здесь: «Всякое способное смеяться есть человек. Всякое разумное животное способно смеяться. Следовательно, всякое разумное животное есть человек», ибо это есть доказательство через последующее, и так же — в том, что вынесено на обсуждение, хотя оно и более общее, как стало очевидно.

[27] Третье заключение гласит, что это, известное через себя, является в абсолютном смысле доказуемым, ибо божественный интеллект познает сперва свою сущность и образует в отношении нее первый сложный принцип, как стало очевидно. Вследствие этого, как бы проводя дедукцию, божественный интеллект познает прочие истины по порядку природы, так же как он сперва смотрит на первый объект, и таким образом доказывает этот принцип из первого известного через себя, когда выводит этот принцип из знания о первом известном через себя.

[28] Далее, ангельский интеллект, видящий божественную сущность и присущее ей первое совершенство, образует в отношении нее первый сложный принцип в абсолютном смысле и из него выводит всякую другую необходимую истину в теологии, так как из первого принципа какой угодно науки выводятся все содержащиеся в ней истины.

[29] Далее, человеческий интеллект, абстрагированно познающий божественную сущность, может из нее познать все теологические истины, так как во всякой науке

виртуально содержатся все истины в ее первом субъекте, из которого они доказательно выводятся.

[30] Далее, согласно Августину, как вещь устроена в своем существе, так же и в своей познаваемости⁴. Но в сущностном порядке истина первого принципа, как стало ясно из сказанного, предшествует истине, о которой идет речь, следовательно, в том же порядке она должна познаваться интеллектом, не имеющим к тому препятствий.

[31] Но есть возражения: (1) Бог, как представляется, не рассуждает силлогистически, не соединяет и не разделяет, ибо познает все интуитивно; (2) ангел, интуитивно зрящий божество, видит то, что сияет в нем и, таким образом, не рассуждает; (3) человек, абстрагированно познающий божественную сущность, не может через нее доказать атрибут этого принципа о сущем, тогда как сам этот атрибут в первую очередь подходит сущему; он прекрасно может доказать наоборот <этот атрибут о Боге на основании атрибута сущего «утверждение либо отрицание»>; (4) из первого принципа в абсолютном смысле этот принцип не может быть доказан, ибо они не сходятся ни в одном из терминов; (5) эта истина не теологическая, но метафизическая.

[32] На первое следует ответить: хотя Он и не рассуждает в соответствии с порядком времени, он, конечно, рассуждает в соответствии с порядком природы, поскольку Он сперва относится к первому объекту, и лишь затем – к второстепенным объектам.

[33] На второе следует ответить тем же способом.

[34] На третье следует ответить, что это не есть в собственном смысле слова доказательство, но поскольку и то, и другое в совершенстве сияет в слове, там познается их сочетание.

[35] На четвертое следует ответить, что он доказывается не в собственном смысле, хотя он из него познается.

[36] На пятое отвечаю тем же образом.

[37] Четвертое заключение гласит, что первое известное через себя в абсолютном смысле, каковое есть безусловно (*simpliciter*) первый сложный принцип или какое-либо предложение, в котором первый субъект предицируется о самом себе, никоим образом не является доказуемым, ибо тогда оно было бы первым не вообще (*simpliciter*), но только в некотором отношении (*secundum quid*).

[38] Далее, поскольку такое состоит из первых терминов и познается, когда познаны они, то здесь нет никакой дедукции, ибо тогда всякое известное через себя было бы доказуемо, когда оно требует знания терминов.

[39] На довод в вопросе отвечаю, что он истинен постольку, поскольку субъект есть определяемое, противоположное чему стало ясно в отношении того, что было вынесено на обсуждение.

Примечания

¹ Anal. post. I, 7, 73a42–75b1: “Tertium genus subiectum, cuius passiones et per se accidentia ostendit demonstratio”.

² Augustinus Hippoensis. *De Genesi ad litteram*, V, с. 18 (PL 34:334).

³ О понятии «формальность» см.: [Вдовина 2016, 206].

⁴ Я не смог найти у Августина соответствующее место.

Перевод с латыни и примечания Д.К. Маслова